

Утром Минлань казалось, что она ощущает запах пороха. Она держала палочки для еды и смотрела на стол, полный деликатесов. Впервые она поняла, что означало высказывание «еда на вкус такая же, как воск», еда казалась ей безвкусной, и Минлань подумала о том, что лучше есть поменьше, чтобы не получить расстройство желудка. Отложив в сторону палочки, она неуклюже и медленно прошла по комнате, придерживая большой живот. Она выглядела такой же обеспокоенной, как толстый кот, застуканный за похищением куска мяса со стола.

Старшая служанка Цхуй всё это время следила за ней и, в конце концов, не удержавшись, усадила её на диванчик и, заглянув в глаза, строго произнесла:

— Небо и земля необъятны, можно родить ребёнка где угодно. Главная госпожа, вам нужно расслабиться. Если вы не можете сделать этого, давайте спрячемся в Чжуанцзы, и посмотрим, смогут ли они нас найти.

Вначале Минлань была ошеломлена этим предложением, но, подумав об этом хорошенько, она поняла, что это хорошая идея. Она вспомнила о госпоже Вень, которая спряталась в поместье с горячими источниками за городом, и некоторое время прожила в тишине, и почувствовала облегчение. Если она поступит так же, к тому времени, как старая ведьма и семья Ю найдут её, она, вероятно, уже родит. Подумав об этом, Минлань решила, что стоит послушаться старшую служанку Цхуй и легла спать. Люди, которые плохо спали ночью, всегда хорошо спят после обеда. Что было ещё замечательнее, так это то, что когда она открыла глаза, то сквозь занавеску из стеклянных бусин увидела кормилицу Чан, сидевшую за столом в холле и тихо разговаривающую о чём-то со старшей служанкой Цхуй.

— Кормилица Чан, почему вы здесь? Как ваш внук Нянь?

Думая о больном ребёнке, Минлань ощутила вину, и, встав, подняла руки, чтобы позволить старшей служанке Цхуй одеть её.

— Как говорят, старая женщина — не чудодейственный эликсир, хотя Нянь'эр может считать иначе, нет ничего страшного в том, чтобы оставить его на некоторое время, — лицо кормилицы Чан было торжественным, а тон мрачным и одновременно полушутливым.

Переодевшись в новую сухую и чистую летнюю одежду, Минлань отпустила всех слуг и попросила Сяотао и Даньдзю присмотреть за дверьми. Единственной, кто остался в комнате, была старшая служанка Цхуй.

— Даньдзю только что передала кормилице ваши слова, главная госпожа, — произнесла она.

— Дело не в том, что я невежественна и люблю расспрашивать о всяком, — понимая, что та тревожится, решила объясниться Минлань. — Но теперь они снова и снова собираются приходить ко мне, и семья Ю, похоже, затаила на меня злобу. У меня нет выбора, я должна разобраться. Я не хочу поймать мышь, разбив вазу.

— Разве главная госпожа всё ещё не знает, что за человек эта пожилая госпожа Цинь? — накрыв руки Минлань своими морщинистыми ладонями, прошептала кормилица Чан. — Прошло уже столько дней, а вы всё ещё не спросили у меня ничего о прошлом нашего хоу.

На самом деле, ей было грустно. Когда Минлань спрашивала о Маньнян, она говорила, что не может об этом говорить, поскольку Гу Тинье не давал разрешения, но на самом деле она сказала так только потому, что боялась, что Минлань будет недовольна и несчастна. К счастью, с тех пор Минлань не задавала ей вопросов, так что кормилица Чан чувствовала облегчение и уважение.

— Смерть первой жены хоу... — осторожно начала кормилица Чан, и Минлань крепко сжала её руки, чувствуя, как трепещет её сердце. — Я действительно не знаю, как умела первая жена господина, он никогда не упоминал об этом.

— Он не разговаривал об этом даже с вами? — спросила Минлань. Ей показалось, что её придавило тяжёлым камнем, и она не смогла скрыть разочарования во взгляде.

— В то время господин Е поссорился со своим отцом, — подняв голову, медленно и торжественно принялась рассказывать кормилица Чан. — Он не смог проглотить свой гнев, поэтому ушёл из дома. Где-то через месяц он в спешке вернулся с юга, я спросила его о том, что произошло, но он ничего мне не сказал. Через несколько дней поместье хоу было в вывесил траурные ленты, сообщив, что Ю Ши умерла от болезни.

Так быстро? Минлань была озадачена.

— Каково было положение нашего хоу в то время? — всё же спросила она.

— Это неправильно, неправильно, — медленно покачав головой, ответила кормилица Чан.

— Кормилицу что-то беспокоит. Пожалуйста, расскажите мне, — подбодрила её Минлань.

— Сначала я думала, что господин Е так торопился вернуться, потому что получил письмо из поместья хоу о серьёзной болезни Ю Ши, но сейчас, когда я думаю об этом, мне кажется, он вернулся по другой причине. Поскольку я беспокоилась, что над ним будут издеваться в поместье, я часто просила людей выйти наружу, чтобы узнать новости. Ю Ши была так больна, но поместье хоу никогда не приглашала императорского лекаря, и пожилая госпожа Цинь была подозрительной в то время.

Минлань очень восхищалась кормилицей Чан, но не хотела прерывать её, поэтому поощряла её продолжать рассказ одним лишь внимательным взглядом.

— Есть ещё кое-что, — ещё медленнее продолжила кормилица Чан. — Я помню, что на следующий день после того как господин Е вернулся, он был пьян и отказался идти домой, поэтому он пришёл в дом к этой старой женщине и завалился спать. В то время была удивлена. Разве мужчина может так пить, когда его жена больна и умирает? Хотя господин Е вспыльчивый, он не бессердечный. Неважно, насколько плохи были его отношения с Ю Ши, это были лишь ссоры между мужем и женой.

— Бо Синсуй почувствовал себя виноватым и напился, — кисло предположила Минлань, вспоминая об известном пьянице.

— Не было похоже, что дело в этом, — покачала головой кормилица Чан. — Я знаю характер господина Е. Он не из тех, кто может лишь красиво говорить, но не может ничего делать. Если он чувствовал себя виноватым, он готов был понести наказание. Он выглядел так, будто его желудок полон обиды и гнева, которые он не способен выразить.

С этой оценкой Минлань была согласна всем сердцем — она тоже считала, что Гу Тинье человек, который выражает своё мнение и недовольство действиями. Поскольку Дуань Ченцян был добр к нему, он оставил свою беременную жену, чтобы помочь ему. К тому же, он жалел Ю Яньжань из-за того, что ей пришлось выйти замуж в далекий Юньнань и даже беспокоился о бизнесе семьи Дуань. Это продолжалось до тех пор, пока Минлань несколько раз не показала ему письма от Яньжань, в которых та писала, что ей было очень, очень, очень хорошо, и она была счастлива! Только после этого он перестал думать о вмешательстве в торговлю чаем Юго-запада.

Поэтому, если он действительно был очень виноват перед Ю Яньхун, согласно его модели поведения, он должен был оставаться у её постели день и ночь, чтобы утешить её, или использовал бы оружие, чтобы вынудить двух лучших императорских врачей немедленно явиться к ней. Или явился бы во дворец, чтобы потребовать какой-нибудь тысячулетний женьшень. Это было бы вероятнее, чем попытка напиться.

— Позже Ю Ши скончалась, и господин Е ушёл, не дожидаясь похорон. Прошло уже много лет с тех пор, — думая о прошлом, кормилица Чан не могла не вздохнуть. — Он пробыл здесь где-то десять дней, а через несколько дней после того как Ю Ши скончалась, бормотал о том, что был слеп и совсем не понимал, что за человек Маньян. Больше он ничего не говорил.

Смерть жены всегда была серьёзным делом, к тому же, Ю Яньжань вышла замуж совсем недавно, но умерла так быстро. Какой нормальный вдовец не захочет сказать об этом несколько слов? Даже Чанбай наверняка написал бы пару стихов о том, как горько, что паре не судьба была прожить жизнь до старости.

— Тогда кормилица имеет в виду... — глаза Минлань загорелись, когда она это услышала.

Кормилица Чан опустила голову, снова и снова обдумывая свои слова. Не то чтобы у неё не было никаких сомнений с самого начала, она даже несколько раз упрекала Гу Тинье, говоря: «Молодой человек, если вы больны, вам нужно вызвать лекаря, но если лекаря не вызывают, что это за болезнь?», однако он избегал разговоров об этом. Она думала, что это было самое странное во всей этой ситуации. Хотя лицо Гу Тинье ничего не выражало, когда она заговаривала об этом, по его словам и поступком было видно, что он хочет избежать этой темы. В конце концов, она вовсе перестала упоминать об этом, будто бы ничего не происходило, всё-таки, если бы Гу Тинье был виноват в её смерти, он бы не сбежал.

— Смерть Ю Ши не должна иметь никакого отношения к господину Е, — выпалила кормилица Чан. — Это абсурдно. Возможно, Ю Ши сама совершила большую ошибку.

Что касается того, виновна ли семья Гу в её смерти... Она не осмеливалась сделать подобное предположение.

Минлань глубоко вздохнула, немного расслабившись. Она тоже думала об этом. В таком случае поведение семьи Ю обретало смысл. Им было стыдно, поэтому они никогда не требовали расследования смерти Ю Яньхун и не осмелились попросить Гу Тинье снова жениться на дочери из их семьи, чтобы та родила наследников. Они не осмеливались даже приходить в поместье хоу Нинъюань. До сегодняшнего утра поведение семьи Ю по отношению к семье Гу соответствовало этому предположению. Однако... Что придало госпоже Ю смелости, чтобы прийти и провоцировать её, вторую жену хоу?!

Минлань была очень озадачена, поэтому прокручивала эти мысли в голове снова и снова. Внезапно в её голове вспыхнул свет. Во время утренней ссоры, когда упоминали Гу Тинье, госпожа Ю отводила глаза.

— Возможно ли... Что до и после смерти Ю Ши дела с семьёй Ю вёл наш хоу? — внезапно спросила Минлань.

Кормилица Чан была ошеломлена этим предположением.

— Этого не может быть, — поспешно сказала она. — Господин Е был очень расстроен и не остался даже на похороны, он уехал в спешке.

Это была словно молния, разорвавшая тёмное ночное небо. Сомнения наконец получили разумное объяснение. Минлань глубоко вздохнула, пытаясь успокоиться, медленно встала и сделала несколько шагов, поддерживая спину. Затем она повернулась к кормилице Чан и неожиданно улыбнулась.

— Не так уж и важно, как именно умерла сестрица Ю. Главное то, что она была виновата, иначе семье Ю не было бы стыдно. Об этом не принято говорить, поэтому нет ничего удивительного в том, что об этом деле почти никто не знает в семье Гу. Наверняка об этом знают лишь покойный хоу, пожилая госпожа Цинь и наш хоу. В семье Ю об этом, похоже, знают только господин и госпожа Ю, ведь остальные члены семьи в то время находились в

префектуре Ден, поэтому они не могут быть посвящены в это дело.

— Но тогда почему госпожа Ю осмелилась?.. — кормилица Чан была в замешательстве. Как люди, которые уже поступали неправильно, могут иметь мужество, чтобы вновь устраивать проблемы?

— Потому что кто-то использует их как дураков, — Минлань стояла в центре комнаты и улыбалась. — Такая большая семья Ю, признавая, что они были неправы, проглотившая свою горечь и обиду... Они не осмеливались даже заговорить, не то что создавать проблемы. Но потом появился человек, который, например, пришёл к ним и сказал, что нынешний хоу не знает ничего о том, что именно тогда произошло.

Глаза кормилицы Чан были широко распахнуты, так сильно она удивилась.

— Хоу знает, что он знает, мы также знаем, что хоу знает, пожилая госпожа Цинь также знает, что хоу знает, но семья Ю нет. Когда произошёл этот инцидент, они были застигнуты врасплох. Похоронами и последствиями наверняка занималась пожилая госпожа Цинь, — Минлань продолжала прокручивать в голове то, что услышала о ситуации, произошедшей в то время, и чем больше она это делала, тем более разумным ей казалось то, что она говорила. — Когда Ю Яньхун умерла, семье Ю было так стыдно, что они не осмелились расспрашивать о деталях.

— Однако недавно кто-то осмелился сказать семье Ю, что господин Е ничего не знает о том, что произошло... — пробормотала кормилица Чан, уловив суть.

Что касается того, кем мог быть этот человек... Они обе прекрасно знали, кто именно это мог быть.

— Кроме того, этот человек также пообещал им различные выгоды, — улыбнувшись, сказала Минлань, неспешно сев рядом с кормилицей Чан. — Карьера господина Ю идёт не так хорошо, как хотелось бы, а дни пожилого господина Ю на исходе. Если они смогут усыновить сына той женщины и записать его на имя Ю Яньхун, он будет вынужден признавать господина Ю своим дедом, а, значит, они смогут рассчитывать на помощь в будущем.

И остальные члены семьи Ю вряд ли знали об этом.

— Разве это не мошенничество! — возмутилась кормилица Чан. Ей потребовалось некоторое время, чтобы прийти в себя. — Обман рано или поздно раскроется, ты можешь обманывать недолго, но не сможешь обманывать всю свою жизнь! Когда господин Е вернётся, разве они не пожалеют об этом?!

— Семья Ю — всего лишь шахматная фигура, — улыбка Минлань была холодной. — Как только я соглашусь, они тут же расскажут об этом всем, говоря о том, что семья Гу выполнит своё обещание, как только Гу Хоу вернётся домой, будет проведена церемония. Потом они скажут, что собираются вначале представить Чана пожилому господину Ю, накроют несколько столов

и пригласят людей посмотреть на это трогательное воссоединение.

Очень легко представить, какую неловкость испытает Гу Тинье, когда вернётся. Не только снова будут подняты легкомысленные дела его юность, что унизит его (возможно найдутся даже чиновники, которые присоединятся к веселью), но и будет затронута проблема преемственности. Если он безжалостно не избавится от ребёнка, в будущем будет множество неприятностей.

Что касается господина и госпожи Ю... Как и тётушки Кан... Когда они уже были использованы и теперь бесполезны, разве нужно заботиться о том, живы они или мертвы?

— Какой ядовитый план! — срывающимся голосом воскликнула кормилица Чан. Она была так ошеломлена, что собиралась спросить у Минлань, что же им делать, но, когда подняла голову, заметила, что та о чём-то сильно задумалась.

— Наложница Гун, вероятно, также осведомлена об этом деле, — подняв голову, протянула Минлань.

Люди, которые пришли в семью Гу вместе с Ю Яньхун, уже были изгнаны, проданы или возвращены семье Ю. Однако... Гун Хунсяо всё ещё жила здесь. Она росла в семье Ю с детства, её госпожа предложила её в качестве наложницы. Она должна знать обо всей этой ситуации. Теперь Минлань, наконец, поняла, почему Гу Тинье всегда смотрел на эту женщину с отвращением. Раньше ей было её жаль, но теперь она думала, что любому было бы неприятно находиться рядом с человеком, который знает какую-то постыдную тайну или замешан в тёмных делах.

— Должно быть, она давно планировала всё это... Что ж, это просто пустые слова. Думаю, отец Яньжань на самом деле не такой уж доверчивый, так что нам понадобится свидетель, — мысли Минлань, казалось, были где-то далеко. — В то время, когда мы отселили четвёртую и пятую семью, наложница Гун постоянно ходила туда-сюда, но я была слишком занята, чтобы заботиться о ней в то время. Теперь, когда я думаю об этом, мне кажется, что этот человек, возможно, искал возможность использовать наложницу Гун. Она могла подтвердить, что хоу ничего не знает, поэтому господин Ю осмелился сделать шаг.

Не удивительно, что старая ведьма атаковала именно сейчас. Не удивительно, что Гун Хунсяо была такой властной и считала себя особенной.

— Эта!.. Эта!.. — кормилица Чан стиснула зубы. Ей очень хотелось обругать их всех последними словами. — Главная госпожа, мы не можем контролировать людей, которые нас окружают! Сначала свяжите эту дрянь по фамилии Гун!

— Они уже сделали всё, что хотели, имеет ли смысл связывать её? — криво улыбнулась Минлань. — Впрочем, ещё не поздно исправить.

Она тут же попросила старшую служанку Цхуй, чтобы та отправила кого-нибудь позаботиться о Хунсяо. Старшая служанка Цхуй ушла.

— Главная госпожа, что же мы теперь будем делать? — на этот раз кормилица Чан действительно паниковала.

Минлань, наоборот, была спокойна. Самым страшным было невежество. Теперь, когда она владела информацией, ей больше нечего было бояться.

— А что ещё мы можем сделать? — улыбнувшись, спросила она. — Зуб за зуб, нам тоже нужно воспользоваться хитростью.

— Но что, если семья Ю не попадёт в ловушку? — поняв, что она имела ввиду, удивлённо спросила кормилица Чан. — А если мы всё поняли неправильно... то что мы будем делать?

— Я заранее позову охрану, — немного подумав, развела руками Минлань. — Если не будет выхода, я заберу Жун, вы заберёте Няня, и давайте просто укроемся в деревне в горах, в поместье с горячими источниками. Там легко обороняться и тяжело нападать, им придётся потрудиться, чтобы одолеть нас!

Кормилица Чан была ошеломлена и в то же время чувствовала гнев.

Минлань вздохнула, она больше никак не могла это остановить, имея ребёнка в доме. Она готовилась несколько месяцев, у неё были все необходимые предметы и люди. Если она действительно спрячется в горах и обнаружится нехватка чего-то, она не сможет позвать императорского лекаря, чтобы он пришёл к ней.

Минлань хорошо выспалась, потянулась и съела две миски риса. Затем она прополоскала и вытерла рот, и с энтузиазмом продолжила ожидать дальнейшего спектакля. Она ждала всё утро, но никто так и не пришёл, чтобы досадить ей, поэтому она успела снова вздремнуть. И снова. Когда она открыла глаза, то не удивилась, услышав уведомление от служанки.

— Семья Ю снова здесь, они ждут в маленьком Цветочном Зале, — сквозь зубы процедила та.

— Помогите мне переодеться, — властно махнула рукой Минлань, ощущавшая предвкушение. На самом деле ей очень хотелось крикнуть «закройте двери и спустите собак!»

До этого свидания с госпожой Ю у Минлань было достаточно времени, чтобы продумать свою оборону от и до. Какое же мужество нужно иметь, чтобы так рисковать своим лицом, и заявиться сюда, чтобы устраивать подобные неприятности! Конечно, если её догадка верна...

Госпожа Ю выглядела несчастной и поникшей, но она всё ещё могла смотреть и глаза выдавали её.

— Как я должна умолять? Ты ведь ничего мне не должна!

— Сегодня я снова вижу госпожу Ю, — оглядевшись, с улыбкой произнесла Минлань. Это было похоже на переговоры в преступном мире.

— Матушка хотела прийти, но у неё слабое здоровье, поэтому нам удалось отговорить её, — сказала четвёртая госпожа Ю, она выглядела уставшей.

— Четвёртая тётя очень почтительна к старшим, поэтому мне не о чем переживать, — нежно улыбнувшись, произнесла Минлань, а затем повернулась к пожилой госпоже Цинь, которая выглядела так, будто смотрит отличное представление, и госпоже Ю, которая выглядела как петух, готовящийся к петушину бою. — Если бы пожилая госпожа не послушала вас, нам, возможно, было бы очень неловко.

— Что ты имеешь в виду? — нахмурилась госпожа Ю.

— Ничего такого. Если я продолжу отказываться, что будет делать моя тётя? — неспешно продолжила Минлань.

— Моя бедная дочь умерла в течении года после того, как вышла в семью Гу! — усмехнулась госпожа Ю. Она была переполнена гневом. — Я хочу, по крайней мере, получить объяснения! Если я посчитаю, что они недостаточно полные, я вернусь сюда со своей свекровью и старейшинами!

— Минлань, не переживай, это ведь всё лишь ради моего свёкра! — уловив напряжение, поспешила сказать четвёртая госпожа Ю. — Мы просто хотим осчастливить старика!

— О, моя прекрасная дочь, как жаль, что ты умерла, едва вышла в семью Гу!.. У тебя даже не осталось детей!.. — почувствовав, что время пришло, госпожа Ю начала изображать плач, но слёз, к сожалению, не было, так что это выглядело очень ненатурально.

— Тётушка, не плачь. Прежде послушай, что я хочу сказать, — Минлань быстро махнула рукой. — Вчера, когда вы ушли, ко мне кое-кто пришёл. Это была кормилица, которая вырастила нашего хоу. Она много лет заботилась о нём, и, когда он уезжает, она заботится обо мне, — смотря на госпожу Ю, остановившую свой фальшивый плач и в замешательстве внимательно слушавшую её, Минлань улыбнулась. — Увидев моё обеспокоенное лицо, она сразу же спросила о том, что заставило меня так волноваться. Я рассказала ей об усыновлении. Кормилица сначала растерялась, а затем хлопнула по столу и завопила: «Как неразумно! Как самонадеянно!»... Тётушка Ю, вы знаете, почему она кричала это?

Выражение лица госпожи Ю тут же изменилось и она испуганно взглянула на пожилую госпожу Цинь. Та улыбнулась и, казалось, подала ей какой-то знак один лишь взглядом.

— Я действительно не знаю! — обернувшись и твёрдо посмотрев на Минлань, заявила госпожа Ю.

Как хорошо увидеть жёлтую реку и не умереть! Минлань расхохоталась в душе, ей очень хотелось заключить пари и сделать ставку на то, кто же победит. Её выражение лица тем временем становилось всё нежнее и нежнее.

— Я до сих пор не верю в то, что услышала от кормилицы... Я всё ещё помню, какая нежная и добрая девушка сестра Яньжань!.. Как сестра Яньхун может быть такой?! Как услышанное может быть правдой?!

Лицо госпожи Ю побелело, она кусала губы, чтобы сдержаться и ничего не сказать.

— Давайте я приведу сюда наложницу Гун, чтобы мы могли расспросить её? Она ведь тоже из семьи Ю!.. Тётушка ведь встречалась с ней недавно? — внутренне Минлань трепетала, наблюдая за тем, как меняется выражение лица госпожи Ю. Она, казалось, даже дышать перестала. — Она много чего мне рассказала, после этого я поняла, почему хоу никогда не желал разговаривать о сестрице Яньхун, — с улыбкой закончила Минлань.

Госпожа Ю больше не могла сдерживаться, её трясло. Четвёртая госпожа слушала всё это, и ей казалось, будто она барахтается в тумане. Она могла лишь ошеломлённо наблюдать за своей невесткой.

— Хунсяо не слишком разговорчива, — неожиданно произнесла пожилая госпожа Цинь, сидевшая в другой части комнаты. — Неужели кто-то запугал её или избил?

— Я слышала, что наложница Гун выросла у вас на глазах, — даже не повернув головы в её сторону, всё ещё улыбаясь, продолжила Минлань. — Вы лучше всех знаете её характер. Она умный человек и знает, что и как устроено в поместье. Кто-то может пообещать ей невероятное будущее, и если так случится, то я просто удвою награду. Вы думаете, она не стала бы говорить?

Дыхание госпожи Ю сбилось, нервничая, она подошла к пожилой госпоже Цинь. На этот раз выражение лица той изменилось. Она знала только о том, что Гун Хунсяо находилась под охраной с прошлой ночи. Она не знала, что происходит.

— Пожилая госпожа из семьи Гун всё ещё служит здесь. Я пообещала матери и дочери возможность воссоединиться, достаточно денег на всю оставшуюся жизнь, хорошие рекомендации, ферму. Или же она может продолжить свои бесплотные попытки привлечь внимание моего мужа в надежде родить сына. Разве это лучше чем то, что я предложила? Что скажете, тётушка?

Минлань намеренно понижала голос, в конце он казался очень нежным и полным снисхождения. Она наклонилась к госпоже Ю, и говорила очень медленно. Та тяжело вздохнула, не сводя взгляда с Минлань, на её лице читалось удивление.

— Я всё ещё не понимаю... — дрожащим голосом протянула она. — Ты... Ты имеешь в виду... Хоу... Он давно...

— Сватья! — громко воскликнула пожилая госпожа Цинь, встав.

Госпожа Ю была ошеломлена.

— До сих пор я всё время чувствовала, что то, что наш хоу игнорирует семью Ю — неправильно, — пренебрежительно фыркнула Минлань. — Теперь, зная подробности, я больше не посмею заговаривать с ним об этом! — выражение её лица было холодным, а в голосе слышался сарказм. — Хм!.. Позволить сестре Яньхун быть захороненной в семейном склепе семьи Гу, чтобы ей могли кланяться потомки семьи Гу и возжигать благовония — это уже было достаточно благородно! Это было сделано по доброте душевной, и честь обеих семей была сохранена! Как жаль, что в сердцах людей недостаточно признательности, и они вновь приходят, чтобы унижить нас. Неужели, по-вашему, семью Гу так легко запугать?!

Кончики пальцев госпожи Ю побледнели, она покачивалась из стороны в сторону несмотря на то, что сидела. Четвёртая госпожа Ю постепенно начинала понимать. Наблюдая за тем, что происходило сегодня, она поняла, что её племянница совершила огромную ошибку, пока жила в семье Гу. И они действительно осмелились прийти к ним, чтобы создать проблемы? Разве это не оскорбление Гу хоу?! Она ощутила, как по её спине стекает холодный пот, и в панике не сводила взгляда с Минлань.

— Четвёртая тётя, я не думаю, что ты что-то знала об этом, — повернувшись к ней, тихо сказала Минлань.

— Поскольку болезнь свёкра начала ухудшаться, мы с вашим четвёртым дядей приехали из префектуры Ден, — кивая на каждое слово, с горечью ответила четвёртая госпожа Ю. — Мы здесь совсем недавно... Откуда мы можем знать?!

— Четвёртая тётя, вы разумный человек. Надеюсь, вы никогда не совершите такую глупость, как тётушка Ю, которую сделали стрелком. Это может нанести огромный вред семье Ю! — слегка отведя глаза, многозначительным тоном произнесла Минлань.

Проследив за взглядом Минлань, четвёртая госпожа Ю посмотрела на пожилую госпожу Цинь, а затем на свою старшую невестку, которая сейчас была в беде. Она быстро поняла, что к чему.

— Трудно выполнять приказы, — ясным голосом произнесла Минлань, бросив взгляд на госпожу Ю. — Если тётушка Ю всё ещё не понимает, я помогу вам разобраться. Сейчас мне слишком тяжело, и я не могу выходить, но как только хоу вернётся, мы лично навестим

господина Ю, и расскажем о деле сестры Яньхун ему и старейшинам семьи Ю, чтобы они могли разобраться!

Застонав, госпожа Ю лишилась чувств.

Четвёртая госпожа Ю тяжело вздохнула, понимая, что случившееся — всего лишь трюк. Чем раньше закончится этот день, тем лучше, решила она и немедленно помогла своей невестке прийти в себя.

— Минлань, наша семья была груба в эти дни... Нас стоит вернуться... Если хоу рассердится... — она чувствовала, что ей тяжело говорить, поэтому она могла лишь смотреть на Минлань в надежде, что та проявит снисхождение. — Надеюсь, ты простишь нас в память о наших прошлых отношениях...

— Четвёртая тётя, пожалуйста, не говори так! — вздохнув, ласково произнесла Минлань. — Я помню мою сестрицу Яньжань, мы были с ней как сёстры. Я также не забыла твою любовь ко мне и об отношениях между моей бабушкой и пожилой госпожи Ю!

Четвёртая госпожа Ю облегчённо выдохнула и поспешно позвала служанку, чтобы та помогла ей поддержать госпожу Ю. Не сказав ни слова пожилой госпоже Цинь, она склонила голову и поспешно попрощалась.

— Если у пожилой госпожи нет никаких указаний, я отправлюсь отдыхать, — проводив их взглядом, произнесла Минлань, медленно поднимаясь на ноги.

— Подожди.

Наблюдая за происходящим, пожилая госпожа Цинь тихо вздыхала, думая о том, что наконец нашла достойного противника. План, на который она потратила много дней, был испорчен так быстро! К счастью, она уже была к этому готова.

— Чему ещё меня хочет научить пожилая госпожа? — развернувшись к ней и приподняв брови, спросила Минлань.

Ничего не ответив, пожилая госпожа Цинь просто подняла руку и помахала служанке рядом.

Тройная пурпурная занавеска с рисунком бамбука, прикрывающая дверь, была аккуратно свёрнута. Мать и сын вошли в комнату, опустив головы, и почтительно встав посередине, поприветствовали Минлань и пожилую госпожу Цинь.

— Маньнян приветствует главную госпожу Гу и пожилую госпожу Гу.

Минлань неспешно села обратно и терпеливо ожидала продолжения, пока Даньдзю и Люйчжи позади неё практически полыхали от негодования.

— Что касается усыновления... Поскольку семья Ю больше не собирается требовать этого, я также не буду больше ничего говорить, — уверенно улыбнувшись, неспешно сказала пожилая госпожа Цинь. — Однако... — она указала на маленького Чана. — В конце концов, этот ребёнок плоть и кровь нашего хоу. Неуместно оставлять его снаружи, так что...

— Значит, как главная жена, я должна проявить снисхождение и принять этого ребёнка в поместье, признать его перед предками семьи, правильно я понимаю или нет? — нетерпеливо закончила за неё Минлань. У неё начинал болеть живот, а ещё она отчётливо ощущала то самое чувство, которое возникает во время падения с высоты. — Но разве малыш Чан не тот, кого наш хоу сам оставил вне поместья? В прошлом он был легкомысленным, и не смог сдержаться... Как добродетельная жена и хозяйка поместья, я должна быть убедительной и уговорить хоу вернуть его, верно?

Когда пожилая госпожа Цинь услышав эти слова, сказанные насмешливым и саркастичным тоном, у неё дёрнулось веко. Минлань была удивлена, но продолжила говорить:

— Кроме того, если малыш Чан вернётся в поместье, его мать должна вернуться вместе с ним, верно? Ведь если Маньнян останется снаружи, то её сын останется без родной матери, что будет противоречить морали, ведь как можно разделить мать и сына, которые завясят друг от друга всю жизнь? Итак, Маньнян также должна стать частью нашей семьи, верно или нет?

Увидев, что её госпожу уже несколько раз унизили, старшая служанка Сян возмущённо закричала:

— Пожалуйста, осторожнее! Где ваше уважение к старшим?!

— Я сказала всё это именно потому, что я уважаю старших, — улыбка Минлань была лукавой.
— Я просто боялась, что губы и язык пожилой госпожи устанут.

Лицо старшей служанки Сян перекопилось от гнева, а лицо пожилой госпожи Цинь было угрюмым. Она была слишком стара, и не могла позволить себе ссориться со своей молодой невесткой на публике, когда та строила речь таким образом. Это бы показало её узко мыслящей.

— Есть только одна вещь, которую я действительно не понимаю, — всё с той же улыбкой продолжала Минлань. — В прошлом пожилой хоу отказался принять Маньнян в семью. Мы не можем забыть о его словах только потому, что он умер.

Лицо пожилой госпожи Цинь ничего не выражало, но она, казалось, была взволнована.

— Мой муж имел в виду, что не может позволить Маньнян войти в семью до того, как второй сын женится на главной жене. Иначе мы бы потеряли лицо перед нашими родственниками! Но Яньхун была молода, вспыльчива и нетерпима, она не пожелала принимать её... Иначе мы бы давно приняли Маньнян в семью.

Минлань была восхищена её умением переворачивать факты.

— Вчера перед семьёй Ю вы восхваляли сестрицу Яньхун и называли её драгоценным цветком, а теперь говорите, что она была вспыльчива и нетерпима. Вы говорите то одно, то другое, я действительно не понимаю, что должна об этом думать.

Пожилая госпожа Цинь была в ярости и собралась отругать её, но Минлань быстро подняла перед собой руку, чтобы остановить её.

— Я виновата, я была неправа! — весело сказала она. — Я не смею учить вас, как говорить! Как старшая вы всегда добродушны и заботливы и беспокоитесь о младшем поколении.

Пожилая госпожа Цинь рвано дышала, ей казалось, что её прижали к земле. Все её реплики были украдены Минлань! Что она должна была сказать дальше?!

— Поскольку вы желаете, чтобы мать и сын стали частью нашей семьи, позвольте мне задать несколько вопросов, — наслаждаясь переменами на её лице, с улыбкой продолжила Минлань.

Пожилая госпожа Цинь резко кивнула, она была в ярости.

Минлань повернулась к Маньнян, которая была следующей в её списке тех, кого надо наказать, и увидела, что та также смотрит на неё. Она выглядела удивлённой и ошеломлённой, словно её поразило увиденное и услышанное. В её глазах читалось презрение, наверняка она думала: «Как могла такая невоспитанная и необразованная девушка стать женой Гу Тинье?» Минлань утешила себя тем, что обычно она была нежной, учтивой и бережливой девушкой.

— Главная госпожа... — Маньнян опустила голову, её голос был приятным, его можно было сравнить с цветком орхидеи, распутившимся в безжизненной долине. — У Маньнян скромное происхождение, и мы не осмеливаемся питать надежды. Мой младший сын жалкий и некомпетентный, рос без отца... Главная госпожа, пожалуйста, пожалейте нас и дайте матери и сыну возможность выжить!.. — сказав это, она опустилась на колени, низко поклонилась и, подтащив к себе сына, заставила встать на колени и его.

После стольких лет от её прекрасной внешности остался лишь прекрасный голос.

Минлань огляделась и подумала, что публики вокруг них намного меньше, чем ей бы хотелось. Жаль! Для такой знаменитой женщины, как Маньнян, выступление перед небольшим количеством людей было равносильно выступлению перед слепцом. Она не шевелилась, но её

живот начал пульсировать.

— В том году, когда Маньнян была в префектуре Ден и молила госпожу из семьи Ю, Маньнян не знала главную госпожу... Пожалуйста, не вините меня! — она кланялась всё энергичнее и энергичнее. — В тот день, когда главная госпожа вступилась за старшую дочь семьи Ю, Маньнян и подумать не могла, что главная госпожа в будущем станет частью семьи Гу!

Она подразумевала, что Минлань действовала неподобающе, а её слова и дела были непоследовательны.

— Я не столь умна, как ты, и не в состоянии сделать столь великолепные расчёты, — легкомысленно ответила Минлань, она ничуть не рассердилась. — Когда речь зашла о замужестве, я лишь подчинилась старшим своей семьи. Мои старшие выбрали для меня мужа, и я вышла за него замуж. Посмотри на меня.

Маньнян задыхнулась из-за услышанного и даже перестала плакать.

— У тебя хороший голос, — внезапно сказала Минлань, и Маньнян недоумённо моргнула.

— У простолюдинов тяжёлая жизнь, Маньнян с детства добывала пропитание, — быстро, едва не задыхаясь, сказала она.

— У тебя такие прекрасные певческие способности, как жаль, что ты не можешь выступать на сцене из-за своего тела, — Минлань игнорировала её слова, продолжая улыбаться. — Я слышала, что твоя любимая опера — Легенда о Лю Яньцао? Хоу рассказывал мне, что даже после того, как ты последовала за ним, и не нуждалась ни в еде, ни в одежде, ты время от времени продолжала петь её. Ты пела множество песен из этой оперы, но твоей самой любимой частью оперы была «Таньхуа, преследующий красивую женщину, девушка Лю Ли, рыдающая кровавыми слезами, выражающая боль в своём сердце». Когда никого не было рядом, ты пела её снова и снова.

Маньнян была ошеломлена услышанным, её ладони были холодны, а сердце быстро билось.

— Мы все здесь женщины, так что ты можешь сказать мне правду, — Минлань выглядела добродушной и мягкой, её улыбка была нежной. — Ты завидуешь этой госпоже Лю Ли?

Маньнян открыла и закрыла рот, не зная, что ответить.

— Я действительно говорю ерунду, — заметив это, ответила за неё Минлань, улыбаясь пожилой госпоже Цинь. — Конечно же, ты завидуешь, иначе как бы ты могла петь эту песню днём и ночью даже после того, как избавилась от своего низкого статуса? Или это был страх, что люди не узнают о том, что именно ты сделала?

Лицо Маньнян было бледным, она в ярости кусала губы.

В искусстве войны говорится, что нельзя вести свою собственную битву, позволяя врагу водить себя за нос. Если враг хочет сражаться на равнине, вы должны заставить его сражаться в горах. Если враг хочет сражаться лицом к лицу, вы должны воспользоваться партизанами и беспокоить врага. Поскольку Маньнян желала говорить о своей бедной жизни, Минлань продолжала говорить о её творчестве. Поскольку Маньнян хотела говорить о своём сыне, Минлань не собиралась делать этого.

— Учёный Гао отказалась от своего золота и роскошных одежд, он предал ожидания своего наставника и родителей. Каждый, кто способен предать свою семью, может жениться на госпоже Лю Ли. Ты действительно завидуешь нам, будучи посредственной женщиной, — Минлань продолжала в упор смотреть на Маньнян, её тон был лёгким. — Если судить по твоим поступкам, ты вовсе не похожа на того, кто просто жаждет комфортной и спокойной жизни, мечтая лишь следовать за хоу и родить ему сына. У тебя слишком большие амбиции, — она улыбнулась. — Быть может, ты желаешь подражать госпоже Лю Ли и собираешься умолять хоу, чтобы он пренебрёг традициями и позволил тебе стать законной женой вместо меня?

— Нет! — на самом деле, это было то, о чём она думала день и ночь, но Маньнян поспешила отвергнуть эту мысль. Она собиралась сказать «Как посмела бы женщина столь низкого происхождения как я, лелеять подобные мысли!..», но Минлань была быстрее.

— Ты должна быть осторожна, когда говоришь, — полушутливым тоном сказала она. — Когда Бодхисатва услышит тебя, он воспримет твои слова всерьёз.

Маньнян кусала губы, лишившись дара речи. Пожилая госпожа Цинь, сидевшая сбоку, также была ошеломлена. Она хотела помочь ей, но не знала, как вклиниться в разговор.

— Ничего страшного, — стерпев резкую боль в животе, мягко произнесла Минлань. — Хорошо, когда у людей есть желания. Если ты не войдёшь в поместье хоу, ты не захочешь жить комфортной жизнью без хоу. Прекрасно, что ты так целеустремлённа и разбираешься в людях! Ты знаешь, что хоу прямолинеен и однажды он может вырваться из общепринятых норм. Это намного лучше, чем те, кто смотрит на людей сверху вниз, — говоря это, она намеренно или ненамеренно взглянула на пожилую госпожу Цинь, что очень ту разозлило.

Маньнян больше ничего не говорила и даже перестала поддерживать жалкий вид и просто спокойно смотрела на Минлань.

— Но, даже если ты войдёшь в семью, ты не сможешь стать второй госпожой Лю Ли, — Минлань ни капли не испугалась её взгляда. Чем сильнее она злилась, тем лучше. — Ты исчерпала доверие хоу. У тебя нет ни имени, ни происхождения, ни статуса. Не только ты не можешь стать частью нашей семьи, но и твой сын не может жить здесь!

— Ты!.. — Маньнян была переполнена гневом и обидой.

— Ты знаешь, почему так получилось? — повысив голос, перебила её Минлань.

Маньнян продолжала смотреть на неё сердитым взглядом, она была похожа на раненную самку зверя, готовую вот-вот наброситься на неё.

— Я скажу тебе, — Минлань перестала улыбаться, тон её был серьёзен. — Твоя самая большая ошибка в том, что ты невежественна. Когда тебе действительно кто-то нравится, ты должна вначале подумать о нём, а не о себе. Наш хоу в глубине души восхищается своим отцом, и, как бы резко он не выражался, он всё ещё хотел, чтобы они могли жить в гармонии как отец и сын. Если бы госпожа Лю Ли была на твоём месте, она давно бы оставила хоу, и никогда не позволила бы ему ссориться с отцом из-за себя. Хоу хотел жениться на мягкой и доброй женщине. Если бы госпожа Лю Ли была тобой, она давно бы отвернулась от него и ушла, она никогда не стала бы препятствовать будущему возлюбленного. Она ни за что не поехала бы в префектуру Ден, чтобы разрушить этот брак, как это сделала ты. Хоу хочет, чтобы его двое детей жили в тепле и уюте и были здоровы, если бы госпожа Лю Ли была на твоём месте, она позволила бы ему забрать и вырастить их, чтобы они могли стать достойными, когда вырастут и крепко стояли на ногах. Ты же бросила свою маленькую дочь и забрала трёхлетнего сына, и отправилась вместе с ним преследовать хоу, когда тот ушёл из дома. Позволь задать тебе вопрос... Сколько слов за всю жизнь ты выучила и сколько книг прочитала? — тон Минлань был ровным, но каждое слово вонзалось, словно игла.

Маньнян тяжело дышала. Она строила планы полжизни, а сейчас все они словно растворились в бегущей воде. Как она могла не ненавидеть?! Однако ни слова не слетало с её губ. Она восхищалась госпожой Лю Ли с детства и хотела быть похожей на неё во всём. Она могла бы начать говорить о том, что Минлань была из богатой семьи, в то время как она имела низкое происхождение, но положение госпожи Лю Ли было куда тяжелее, чем было у неё.

— От начала и до конца ты думала только о себе. Не важно, что хочет хоу, не важно, что будет с будущим детей, ты действуешь, заботясь только о себе. Достоянна ли ты сравнения с госпожой Лю Ли?! — Минлань намеренно не скрывала презрения в голосе. — С твоими навыками преследования, ты могла бы помогать слабым, пожилым и нищим и основать своё дело!

Лю Ли была чудесной женщиной и не было смысла вдаваться в подробности о её многочисленных талантах. Каждый раз, когда она читала о госпоже Лю Ли, Минлань казалось, что она читает что-то вроде «Арабских ночей», очень трудно было воспринимать прочитанное и услышанное не мифом для развлечения будущих поколений, а как то, что происходило в реальности. На самом деле, для госпожи Лю Ли не имело значения, выйдет ли она замуж за учёного, которого любила, или нет. Она и без него нашла смысл жизни и прекрасно и счастливо жила.

Глаза Маньнян были красными, её пальцы практически проделали дыру в ковре. Она смотрела на Минлань, переполненная негодованием.

— Это естественно, — наконец добавила Минлань, её тон снова был мягким, в нём даже можно было услышать жалость. — Самое главное — то, что наш хоу никогда не любил вас так сильно, как учёный Гао любил госпожу Лю Ли. Всё кончено.

Эта фраза стала последней каплей, переполнившей чашу терпения Маньнян. В тот момент она уже не отдавала отчёта своим действиям, она просто хотела прыгнуть на Минлань и сделать ей как можно больнее, но Даньдзю уже привела горничных, которые успели схватить её. Маленький мальчик рядом с ней дрожал, он был в ужасе.

— Мерзкая сучка!.. — продолжала ругаться Маньнян.

— Вы всё ещё хотите, чтобы она стала частью нашей семьи? — повернувшись к пожилой госпоже Цинь, холодно спросила Минлань.

Пожилая госпожа Цинь была потрясена. Её губы несколько раз шевельнулись, но она ничего не сказала. Минлань снова развернулась к Маньнян и, увидев, что её дыхание выровнялось, произнесла:

— Отпустите её.

Маньнян вздёрнула голову, на её лице были слёзы, и на этот раз Минлань верила в то, что она не притворяется.

— Если у тебя всё ещё есть сердце, ты должна позаботиться о будущем этого ребёнка, — смотря на худенького маленького мальчика, Минлань испытала грусть. Её голос был тихим. — Не позволяй ему страдать наравне со взрослыми. Я слышала, что у него слабое здоровье. Спроси себя: если мужчина ищет жену, значит, он хочет воспитать сына? Если ты даже не можешь воспитать своего сына, то какой мужчина будет тебя уважать и обожать?

Маньнян опустила голову, она тяжело дышала, из груди её вырывалось рычание, словно она действительно была самкой зверя.

Минлань ощутила третий приступ боли, ей было очень плохо. Она встала, дрожа и держась за живот, её лицо исказилось от боли. Даньдзю запаниковала и несколько раз шёпотом спросила, что не так.

— Кажется, я рожаяю, — прошептала ей на ухо Минлань.

Даньдзю с трудом подавила панику и громко приказала:

— Принесите мягкий паланкин!

Служанки тут же бросились исполнять поручение, а Даньдзю поддержала Минлань. Та сдержала облегчённый вздох.

— Всё в порядке, я могу двигаться, — она очень много заботилась о своей физической форме,

поэтому не была такой уж хрупкой. Даже в современном мире, если вы собираетесь рожать, вначале вы должны позаботиться о состоянии своего тела, а затем, когда вы рожаете, вы должны поехать в больницу!

Смотря на Минлань, пожилая госпожа Цинь заподозрила, что что-то не так. Она не знала, был ли это такой же трюк, как и вчера, или это действительно был день родов. Она обменялась взглядами со старшей служанкой Сян, колеблясь.

Сидящая до этого на земле Маньнян стиснула зубы и вдруг безжалостно схватила сидящего рядом с собой сына, обняла его и кинулась к столбу рядом с Минлань, будто собиралась ударить сына об него головой и самой удариться о столб следом.

— Если вы не желаете принимать нас, мы не хотим жить! — закричала она.

Все в комнате запаниковали, Даньдзю и Люйчжи закрыли собой Минлань, но Сяотао была умной девочкой. Воспользовавшись своей силой и ловкостью, она кинулась наперерез и врезалась в Маньнян, сбивая её с ног.

— Кто-нибудь, схватите её! — первой закричала старшая служанка Сян.

Минлань холодно взглянула на неё, в этот момент её живот, казалось, начал гореть огнём. У неё не было времени, чтобы беспокоиться обо всём этом, ей нужно было вернуться. Впрочем, сегодняшнюю победу можно было считать большой победой, она чувствовала себя великолепно. Что касается Маньнян и Чана... Ей больше не обязательно было беспокоиться о них, она могла просто подождать, пока вернётся Гу Тинье и решит этот вопрос.

Как только Минлань вернулась в покои, старшая служанка Цхуй уже всё подготовила. Две повитухи, нервничая, ожидали её. Минлань смутилась, ей казалось, словно она находится в вате несмотря на то что она терпела боль от схваток. Это ощущение на самом деле было очень странным — на самом деле, боль была не очень сильной, зато от тянущей боли в пояснице и самом животе хотелось плакать. Она же его мать, как он может быть таким жестоким?! Будет больно!..

Она не знала, сколько прошло времени, вся её одежда пропиталась потом и, казалось, даже ресницы были мокрыми. Небо за окном было тёмным, а голос рядом всё также энергично кричали:

— Вдохните!

— Терпите!

— Берегите силы и не кричите!

— Держитесь!

— Всё в порядке!

И так далее, снова и снова, по кругу, будто старый сломанный магнитофон.

Когда в комнате зажгли фонари, звёзды уже усыпали ночное небо. Луна, казалось, следила за происходящим. Боль достигла критической отметки, Минлань чувствовала, что ещё немного и просто умрёт. Неожиданно снаружи раздался испуганный вопль. Это была вовсе не болельщица, подбадривающая её поскорее родить.

Она надулась, обиженная, и открыла глаза, чтобы посмотреть, что происходит, но всё, что она увидела — это странное красное зарево за окном.

— Воды! Воды! — паниковали голоса за окном.

Минлань внезапно ощутила прилив сил, и мысленно обругала большого поганца и маленького поганца. Ей очень хотелось кричать: «Старая ведьма, так вот, что ты задумала! Тебе стоит злиться на себя! Если бы ты не была такой злобной, ты не заявлялась бы сюда, чтобы показать свою силу! Тиньцань, тётушка Кан, семья Ю и Маньян, оказалось, что все они были лишь дымом, пока ты готовила что-то настолько безжалостное! Я ненавижу тебя за то, что мне приходится защищаться и с востока, и с запада! Что за отвратительные шахматы!»

Она всего лишь судебный секретарь, а не специалист по домашним дракам. Все эти годы она прилежно и добросовестно училась, но этого всё равно было недостаточно! Увы, теперь она могла рассчитывать лишь на охрану Ту Эра.

Наверное, она была слишком зла, поэтому ощущала прилив сил. Минлань стиснула зубы и задержала дыхание, и внезапно ощутила жар внизу. Наконец, произошло чудо, возвещающее о приходе в этот мир новой жизни.

Снаружи раздавались удары в гонг и звук барабанов, шум беготни, но всё это не смогло скрыть изменившийся тон голоса и радостный вопль повитухи:

— Выходит! Выходит! Этот малыш настоящий толстяк!

Пока небо было красным из-за рукотворно созданного злобной старухой пожара, этот маленький поганец, который мучил её больше полугода, наконец, готов был выйти наружу.

Последней мыслью Минлань перед тем, как она потеряла сознание, было: «Посмотрите, в

порядке ли его руки и ноги! Десять ли у него пальцев на руках и ногах?!»

<http://tl.rulate.ru/book/5280/1648908>